

Межкультурная коммуникация: лингвокультурологический аспект (на материале русской и французской фразеологии)

**С.М. Кравцов
(Россия)**

En el artículo se estudia el problema de representación de conceptos culturales en las fraseologías rusa y francesa, se analizan sus diferencias tanto de carácter cognitivo como no cognitivo.

Национальная языковая картина мира формируется с учетом отраженных в языковых знаках сведений о культуре социума, являющейся определенным уровнем его достижений в производственной, общественной и умственной жизни в ту или иную эпоху. Осмысление категорий культуры неизбежно находит свое воплощение в естественном языке, т.к., будучи средством коммуникации, он «... вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемологического содержания знака...) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» (Красных, 2002, с. 9).

Любой естественный язык содержит информацию о культурном пространстве и культурном фонде определенного социума. Культурное пространство представляет собой форму реализации культуры в сознании субъектов того или иного национального коллектива. Оно тесно связано с познавательной деятельностью как отдельного человека, так и всего языкового коллектива в целом и состоит из множества индивидуальных и коллективных культурных пространств всех представителей определенного лингвистического сообщества. В данном контексте социокультурные измерения исследования любого языка, актуализирующиеся в процессе межкультурной коммуникации, приобретают особое значение.

Лингвокультурологический подход к изучению языка может основываться на рассмотрении механизма репрезентации в нем того или иного концепта культуры, под которым понимается определенное понятие, единица ментального уровня, отражающая объект материального или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителей языка, как правило, в вербально обозначенном виде и обладающая национально-культурным содержанием. Среди культурных концептов, несущих культурно маркированную информацию, выделяются ключевые концепты, служащие основными понятиями (единицами) картины мира, жизненно значимыми для того или иного лингвокультурного сообщества. К ним относятся, например, такие абстрактные понятия, как судьба, счастье, свобода, родина, любовь, поведение, семья, совесть, справедливость, время и т.д. Они занимают важное положение в коллективном языковом сознании, поэтому их исследование становится актуальной проблемой.

Несомненный интерес представляет изучение реализации концептов культуры в языковой картине мира, в частности, в таком ее фрагменте, как фразеологическая картина мира. Интерес объясняется тем, что большинство фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих такие концепты, благодаря

своей образности, основанной на смысловой двуплановости (совмещении актуального и первоначального смыслов), отражает историю, культуру, быт, социально-экономическую жизнь, менталитет, образ мышления народа, особенности его языка. Как справедливо считает В.Н. Телия, связь языка с национальной культурой реализуется через содержащуюся в значении ФЕ культурную, а точнее, национально-культурную коннотацию – «интерпретацию денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» (Телия, 1996, с. 214). Эта коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания (внутренней формы) фразеологизма посредством соотнесения его с культурой языкового социума – обычаями, традициями, нормами этикета, искусством, историей, религией, кухней и т.д. Такая связь с тем или иным кодом культуры составляет характерную особенность данной коннотации, придающей культурно-значимую маркированность семантике фразеологического оборота.

Способность фразеологии служить одним из источников информации социокультурного характера, а также проблема взаимовлияния языков и культур, приобретающая все большее значение в результате расширения всесторонних международных контактов, обуславливают целесообразность исследования концептов культуры на фразеологическом материале нескольких языков. Выбор русского и французского языков не случаен. Он мотивируется тем, что русская фразеология хранит тесную связь с французской в силу той особой роли, которую играл французский язык в русском обществе XVIII и особенно XIX века. Исследование фразеологии двух языков, объективирующей концепты культуры, через призму проблемы межкультурной коммуникации позволяет не только больше узнать, лучше понять, но и сопоставить особенности менталитета, национально-культурный опыт, традиции, жизненные ценности представителей русского и французского этносов.

Рассматривая механизм фразеологической репрезентации культурных концептов интересующих нас языковых сообществ, можно обнаружить определенные культурно значимые различия. Они выявляются с помощью сопоставительного анализа ФЕ, прежде всего их лексического наполнения. При этом следует иметь в виду, что, будучи единицей вторичной номинации, фразеологизм способен одновременно эксплицировать два концепта культуры – концепт образа (источник, внутреннюю форму ФЕ) и концепт цели (содержание ФЕ). Например, такой универсальный концепт культуры, как «Семья», является источником целого ряда русских и французских фразеологизмов, при сопоставительном анализе которых обнаруживаются особенности национальной культуры. Они обуславливаются тем, что в России женщина обычно занимает в семье более важное место, чем мужчина, являясь хранителем домашнего очага, а зачастую и главным человеком в нем. Подобная роль женщины в семье отражена в следующих русских ФЕ: «*маменькин сынок*» (избалованный, изнеженный ребенок, юноша); «*маменькина дочка*» (избалованная, изнеженная девочка или девушка); «*мать честная!*» (восклицание, выражающее избыток каких-либо чувств: изумления, испуга, радости и т.п.); «*показать кузькину мать*» (проучить, жестоко наказать кого-либо); «*к чертовой матери*» (выражение пренебрежения к кому-либо, желания избавиться от кого- или чего-нибудь).

Во Франции же, напротив, роль лидера в семье и в отношениях с детьми играет отец, что аналогичным образом закреплено во фразеологии: «*fils à papa*»

(*досл.* «папин сын» – мальчик или молодой человек, полностью зависящий от своего богатого отца); «*papa gâteau*» (*досл.* «папа-торт» – мужчина, любящий баловать подарками своих детей); «*de papa*» (*досл.* «папин» – устаревший, вышедший из моды); «*de père en fils*» (*досл.* «от отца к сыну» – от поколения к поколению); «*en père de famille*» («как отец семьи» – тщательно, с чувством меры, экономно); «*contenter tout le monde et son père*» (*досл.* «угодить всем и своему отцу» – доставить удовольствие всем одновременно).

Перечисленные выше ФЕ наглядно показывают способность фразеологии реализовать концепты культуры (как образа, так и цели), актуальные для того или иного языкового сообщества. Например, образная составляющая фразеологического оборота «*маменькин сынок*» отражает концепт «Семья», а его значение (избалованный, изнеженный ребенок, юноша) соответствует концепту «Социальная оценка человека».

Отражение социокультурных особенностей на фразеологическом уровне обуславливается тем, что большинство ФЕ сформировалось и продолжает формироваться на национальной, а не на универсальной основе, в частности, под влиянием уникальности национального склада ума, специфичности национального характера, оригинальности мышления языкового коллектива. В подобном случае социокультурные особенности выявляются, как правило, путем сопоставительного анализа образной составляющей русской и французской ФЕ, план содержания которых совпадает. Так, фразеологизмы «*когда рак свистнет*» и «*quand les poules auront des dents*» (*досл.* «когда у кур появятся зубы») эксплицируют концепт «Время» в значении «никогда». Их объединяет также межъязыковая фразеологическая модель, которая может быть представлена в следующем виде: «когда объект универсума (рак, куры) проявит свойства, совершенно противоречащие его природе (свистнет, будут иметь зубы)». Однако, несмотря на идентичность семантики («никогда»), обусловленной в обоих случаях видением ирреальной ситуации, и межъязыковой фразеологической модели, они отличаются фразеологическими образами, свидетельствующими о национальных особенностях психического склада, менталитета, определяющего культуру мышления русских и французов, которая, бесспорно, должна учитываться в процессе межкультурной коммуникации.

Национально-культурный аспект фразеологии еще больше актуализируется при рассмотрении русских и французских омонимических ФЕ, которые соотносятся с разнообразными реалиями окружающего мира, проявлениями человеческой деятельности, имеющими национально-культурную окраску. Однако при совпадении плана выражения они не имеют общих сем и не связаны ассоциативно, следовательно, содержат разные образные составляющие. Например, ФЕ «*белая ночь*» означает ночь, когда сумерки не переходят в темноту (Ожегов, 2009, с. 43), поэтому на улице светло почти как днем, что случается в российских регионах, расположенных недалеко от Полярного круга. Во Франции, где по причине ее географического положения не бывает светлых ночей, омонимическая ФЕ «*nuit blanche*» понимается как бессонная для кого-либо ночь (DEL, 1997, с. 82). По мнению многих авторов, это выражение появилось в языке в средневековую эпоху, когда всю ночь перед сражением рыцари-новобранцы, одетые в белое, читали молитвы, прося у бога благословения. Тем не менее значение данного выражения можно объяснить гораздо проще: белый цвет

является контрастным по сравнению с «черным» цветом ночи, во время которой обычно спят.

Фразеологический оборот «*черная работа*» употребляется обычно, чтобы сказать о физически тяжелой и неквалифицированной работе, подобной той, которую выполняли чернокожие рабы из Африки (Ожегов, 2009, с. 884). Французский омоним «*travail <au> noir*» означает нелегальную, неофициальную работу (DEL, 1997, с. 633). Метафора строится здесь не на ассоциации с цветом кожи, а на представлении о том, что черный цвет покрывает вещи «мраком» и делает их невидимыми. Следует отметить, что в сознании русского человека этот цвет также вызывает представление о чем-либо незаконном, а потому тщательно скрываемом («*черная биржа*» – неофициальная, спекулянтская биржа) (Ожегов, 1989, с. 720); «*черный рынок*» – незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля (Ожегов, 2009, с. 884).

Рассмотрев примеры межъязыковых фразеологических омонимов, можно сделать вывод, что они не основаны на когнитивно значимых различиях, ибо они не указывают на особенности в концептуальном осмыслении объективного мира русскими и французами. Было бы нелогично исключать мысль о том, что в случае географического расположения Франции поблизости от Полярного круга или в случае выращивания в ней хлопка во фразеологии этой страны не появились бы ФЕ, тождественные русским. Проанализированные русские и французские ФЕ построены на несовпадающих концептуальных метафорах, которые, тем не менее, хорошо известны носителям обоих языков (черный – нелегальный, белый – светлый, золото – ценность), следовательно, они не содержат когнитивно значимых различий. Идентичность их компонентного состава сочетается с различием их значений и образных составляющих, что является результатом объективных «национальных» различий между Россией и Францией, касающихся, в частности, особенностей их географического положения («*белая ночь*»), истории («*nuit blanche*»), практической деятельности («*белое золото*» и «*l'or blanc*»), а также результатом своеобразия менталитета русских и французов («*черная работа*» и «*travail <au> noir*»).

Однако ФЕ, национально-культурная специфика которых отражает регулярные концептуальные различия, имеющие под собой когнитивную основу, весьма немногочисленны. Их поиск представляет собой весьма нетривиальную задачу, за решение которой никто пока еще серьезно не брался. В случае их обнаружения они могут рассматриваться как кандидаты в культурно маркированные сущности. Чтобы быть признанными таковыми, соответствующие языковые факты должны выявлять культурно значимые следствия или восприниматься как обусловленные культурно значимыми причинами.

К подобным ФЕ можно отнести, например, «*делать большие глаза*» и «*faire les gros yeux*». Несмотря на идентичность денотата, обозначающего один и тот же мимический жест, их семантика далеко не равноценна. Русский фразеологизм имеет значение «выражать крайнее удивление, недоумение» (ФСРЯ, 1987, с. 130), а французский – «делать выговор кому-либо, выражать ему свое неодобрение» (DEL, 1997, с. 647). Приведенный пример ярко показывает, что идентичный мимический жест, физическая природа которого основывается на мгновенном округлении, увеличении размера глаз в качестве психической реакции человека на окружающий мир, передает совершенно различные эмоции в интересующих нас лингвокультурных сообществах.

Следует отметить, что в данном случае мимика может сопровождать выражение как тех, так и других эмоций. Округление глаз стало ассоциироваться с выражением неодобрения у французов под влиянием представления детей о том, что взрослые, в частности, родители, общаясь с ними, «увеличивают» силу голоса (говорят громче, чем обычно), а следовательно, и размер глаз, чтобы высказать свое недовольство их поведением. Для представителей русской культуры связь данного мимического жеста с выражением крайнего удивления или недоумения объясняется, возможно, мыслью о том, что человек, чтобы лучше рассмотреть вызывающий у него данные эмоции объект окружающей действительности, должен широко раскрыть глаза.

Анализ фразеологических оборотов «*faire les gros yeux*» наглядно показывает, что даже при идентичности их образной составляющей (общность природы жеста) они, несомненно, обладают национально-культурной спецификой, т.к. концептуальные метафоры в этих языковых единицах (интерпретация жеста в плане выражения соответствующих ему эмоций) не совпадают. Этот факт позволяет говорить о когнитивно обусловленных различиях, которые носят неслучайный характер и, безусловно, свидетельствуют о специфике осмысления определенных фрагментов действительности интересующими нас языковыми сообществами.

Итак, социокультурные измерения исследования языка, будучи очень важными для решения проблемы межкультурной коммуникации, в высокой степени актуализируются при рассмотрении его фразеологического фонда прежде всего в сопоставительном аспекте на межъязыковом уровне. Большое значение при этом имеет изучение репрезентации культурных концептов средствами фразеологии нескольких языков. Анализ русских и французских ФЕ показал, что большинство из них, отражая национально-культурный опыт, образ мышления их носителей, не содержит когнитивно обусловленных различий, указывающих на особенности в концептуальном осмыслении объективного мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey et S. Chantreau. Ed. Les Usuels du Robert Poche, Paris, 1997. (DEL).
2. КРАСНЫХ, В.В., 2002: Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология // Курс лекций. М., с. 9.
3. ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю., 2009: Толковый словарь русского языка. М.
4. ТЕЛИЯ, В.Н., 1996: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., с. 214.
5. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1987. (ФСРЯ).